

А. В. ЧЕРНЫШОВ

Выбор пути

**(Штрихи к религиозно-философскому портрету
Г. Е. Распутина)¹**

В последнее десятилетие уходящего века широкому читателю стали доступны многочисленные документы и материалы бывших секретных фондов многих архивов. В перечне имен и событий особой печатью отмечена жизнь последнего русского монарха Николая II Романова и его негласного духовника и фаворита, уроженца села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии Григория Ефимовича Распутина (9.01.1869–17.12.1916).

Кроме многочисленных тиражирований различных сомнительных изданий 1917–1927 годов, всевозможной белиберды и смакования альковных историй, будто бы имевших место в жизни нашего земляка, неоднократных попыток журналистов наших дней выдавать желаемое за действительное, настало время глубже копнуть исторический пласт и хотя бы немного пролить свет на духовную жизнь Григория Ефимовича, ту часть биографической сокровенности, которая и сегодня далеко не известна не только широкому читателю, но и довольно подготовленной части ученых мужей, столь много приложивших старания и рвения для дезинформации и фальсификации личностной характеристики столь необычного человека.

Благо появились среди огромной книжной ерундистики и подлинные творческие (исторически и научно обоснованные) открытия, находки. Пальма первенства в этом ряду принадлежит писателю Олегу Платонову — автору уникальных исследований о жизни последнего русского царя и его семьи, просто сногшибательных находок-харак-

¹ Печатается по: Религия и Церковь Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 1996, 1998. Вып. 9. С. 64–70, 83–84.

теристик русских масонов предреволюционной России, деятельность которых тесно связана с очернением личности Распутина, созданием Распутинщины и Распутиниады. Но, пожалуй, самое веское слово сказано этим автором о месте и роли в жизни русского общества, духовной сути самого Григория Распутина.

Его книги* как бы обнажили всю суть масонско-большевистских инсинуаций о Григории Ефимовиче, поразили и удивили научный, просто читающий мир столь гнусной клеветой и ненавистью недругов всего русского, и в первую очередь к монаршему престолу и лицам, приближенным к нему. Мы заново перечитываем страницы нашей многострадальной истории, ужасаемся и негодуем, открывая в новом свете трагическое и жертвопринесенное нашими соотечественниками во имя дня сегодняшнего, во имя нашего Прозрения. И в этом смысле публикация творческого наследия нашего земляка всего лишь толика той правды, которую мы так жаждем знать.

И если дневник Распутина «Жизнь опытного странника»** выдержал уже несколько изданий (1989, 1990, 1991, 1995), то предлагаемые читателю фрагменты из другого его дневника, «По Божьему пути»***, никогда не систематизировались, не комментировались и ждут своего часа, чтобы предстать перед исследователями и учеными. О существовании этого трудновоспринимаемого творения знали немногие, да вездесущие журналисты, которые досаждали автору провокационными вопросами, передергиванием смысла его фраз и обрывками записей из него, попадавших в их руки через многочисленных поклонников и поклонниц «старца». Но однажды Григорий Ефимович поведал одному заседавшему журналисту о сути и сущности задуманного. Репортер одной московской газеты буквально накануне покушения фанатички Хионии Гусевой**** на жизнь Распутина так представил читающей публике замысел автора «Дневника»: «Давно хотелось мне, это, свое слово миру сказать. Что же я могу в поучение дать ему? Вот существуют ученые люди пишущие книги, много познавшие и еще более познать желающие. Они, ученые-то, пишут

* Платонов О. А. Правда о Григории Распутине. Саратов: Приволжское изд-во, 1993. 110 с.; *Он же*. Жизнь за царя: Правда о Григории Распутине. СПб.: Воскресение, 1996. 320 с.; *Он же*. Терновый венец России. М.: Родник, 1996. 526 с.

** ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 31. 15 лл.

*** ГАРФ. Ф. 612, Оп. 1. Д. 36. 101 лл.; Ф. 623. Оп. 1. Д. 23. 153 лл.

**** Хиония Кузьминична Гусева (р. 1881) — мещанка гор. Сызрани, поклонница иеромонаха Илиодора. 29 июня 1914 г. предприняла покушение на Г. Е. Распутина, ранив его кинжалом в живот. Два года провела в Томской психиатрической больнице.

не о себе, не о человеке, а вообще о мире. Так вот я и говорю: “Хочу я людям представить не что-либо, что не от меня исходит, а именно то, что во мне есть своего, значит. Бога хочу я им показать, свой путь жизненный людям указать. Вот почему я и называю писание свое “По Божьему пути”. А в чем путь Божий, знаешь ли ты? Этот путь Божий и есть путь добрых дел. Твори добрые дела. Добрые дела твори, говорю я тебе, и ты будешь на пути праведников. Вот это я людям и хочу сказать. Хочу я начать свою проповедь народу. Мал для меня круг-то. Что для меня все эти люди? Грех, соблазн один. А вот думаю о душе. Довольно дьявола тешить, самообольщаться, грешить довольно, надо и о душе подумать. Вот я и подумал настоящую народную и праведную газету в ход пустить. Деньги мне дадут. Люди верующие нашлись. Соберу я людей хороших, перекрещусь, да и, Господи, в колокол ударю”»*.

«Дневник» писался долгие годы (1910–1916), отрывки из него много раз переписывались великими княгинями Татьяной, Ольгой, Анастасией, фрейлиной И. А. Вырубовой, императрицей Александрой Федоровной. В Государственном архиве Российской Федерации (бывший — ЦГАОР) имеется несколько копийных вариантов**, вызывающих у некоторых исследователей подозрение в их подлинности. Относясь с большим уважением к подвижничеству О. А. Платонова, полностью согласиться с его версией о том, что дневник «По Божьему пути» — фальсификация, все же нельзя. Почеркографическая экспертиза этих записей (она прилагается к дневнику. — А. Ч.) подтверждает, что почти все девять тетрадей написаны его секретарем А. Н. Лаптинской***.

Кроме вопросов сугубо философско-религиозного характера и размышлений о Боге, о предназначении Человека на Земле, значении для православного верующего силы и благодати Молитвы, исполнения религиозных обрядов — в «Дневнике» много места уделено бурной и многогранной деятельности Распутина в общественно-государственной и отчасти — международной жизни, его связях со многими известными религиозными, государственными и политическими деятелями. Здесь наличествуют бытописания, раздумья о бремени жизни, взаимоотношении людей. Особняком сто-

* Голос Москвы. 1914, 2 июня.

** ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 309. Ф. 623. Оп. 1. Д. 23.

*** *Акулина Никитична Лаптинская* (1866–?) — одна из ближайших сподвижниц и поклонниц Г. Е. Распутина, его личный секретарь. Крестьянка Светошинской волости Городецкого уезда Могилевской губернии.

ит довольно широкий перечень характеристик, данных «старцем» многим своим современникам. Кроме личной оценки Государя и Государыни, по всем страницам рассыпаны зарисовки о князе М. М. Андроникове*, великом князе Николае Николаевиче**, великой княгине Милице Николаевне***, тибетском враче П. А. Бадмаеве****, иеромонахе Илиодоре (С. М. Труфанов)*****, архимандрите Тюменского Свято-Троицкого монастыря Мартиниане^{6*}, председателе Совета министров П. А. Столыпине^{7*}, сенаторе С. П. Белецком^{8*}, аферисте и проходимце И. Ф. Манасевиче-Мануйлове^{9*}, председателе Государственной Думы М. В. Родзянко^{10*}, графине С. С. Игнатъевой^{11*}, митрополите

* *Михаил Михайлович Андроников* (1875–1919) — князь, в 1914–1917 гг. — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, издатель журнала «Голос России».

** *Николай Николаевич Романов* (старший, 1856–1929) — великий князь, генерал-адъютант, верховный главнокомандующий с начала Первой мировой войны до августа 1915 г.

*** *Милица Николаевна* (1866–1951) — великая княгиня, жена вел. кн. Петра Николаевича, дочь черногорского князя Негоша (короля Николая I).

**** *Петр Александрович Бадмаев* (1851–1919) — бурят, врач тибетской медицины, крестник императора Александра III. С 1875 г. на службе в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

***** *Илиодор* (Сергей Михайлович Труфанов, 1880–1952) — иеромонах, выпускник СПб. духовной академии, настоятель Дубовского монастыря под Царицыном. Первоначально друг, затем — заклятый враг Г. Е. Распутина. После революции — тайный сотрудник ВЧК.

^{6*} *Мартиниан* — иеромонах Тюменского Св.-Троицкого монастыря, состоял в близких отношениях с Распутиным.

^{7*} *Петр Аркадьевич Столыпин* (1862–1911) — дворянин. Министр внутренних дел, председатель Совета министров, статс-секретарь, гофмейстер. Организатор третьеиюньского переворота 1907 г.; инициатор проведения аграрной реформы в России, названной «стольпинской». Убит агентом охраны Багровым в сентябре 1911 г.

^{8*} *Сергей Петрович Белецкий* (1873–1918) — мещанин, окончил Киевский университет, сенатор. С 1901 г. — служба в полиции; 1912–1915 гг. — товарищ Министра внутренних дел, директор Департамента полиции. Расстрелян в 1918 году, как контрреволюционер.

^{9*} *Иван Федорович Манасевич-Мануйлов* (1869–1918) — журналист, аферист, сводник, один из личных секретарей Распутина.

^{10*} *Михаил Владимирович Родзянко* (1859–1924) — крупный помещик, камергер, член III и IV Государственной Думы, один из лидеров октябристов. Председатель Государственной Думы в 1911–1917 гг. Противник Распутина. После Октябрьской революции эмигрировал.

^{11*} *Софья Сергеевна Игнатъева* — дочь князя С. В. Мещерского. Играла видную роль в церковно-синодальных кругах. Сторонница Илиодора и епископа Гермогена.

С.-Петербургском Антонии (А. В. Вадковский)*, министрах внутренних дел А. Н. Хвостове**, А. Д. Протопопове***, начальнике Петроградского охранного отделения М. С. Комиссарове**** и многих других.

В силу своей малограмотности Распутин вынужден был прибегать к помощи грамотных людей, в большем случае к своему секретарю Акулине Никитичне (прозвище — «Мушка»), хотя это и сковывало его фантазию. Не случайно в дневниковой записи от 3 ноября 1915 года он откровенничал: «Мои сии записки, пока я живой, ни один человек, кроме Мушки, не увидит... Эх, кабы рука моя, как и ее, по бумаге бежала! Каких бы слов не записал! И не те слова, что я Царям говорю, и они, Цари, мне говорят. И не те слова, что говорят наши управители, которые как потаскушки кувыркаются, а те, которые я сказать должен, те слова, от которых и должно в жар кинуть... Но беда моя в том, что мысли мои, слово мое, а идет через руки чужие...»*****

Действительно, язык автора необычен, полон различных эпитетов и тонких наблюдений мужицкого мыслителя, знающего себе цену и желающего поведать потомкам о широте своих замыслов, но постоянно прибегающего к эзоповской терминологии, конспирации. В этом направлении его фантазия была неисчерпаемой. Каждому своему знакомому или тем, с кем ему приходилось общаться, Распутин давал условные имена, становившиеся затем прозвищами, кличками. Так в его переписке, особенно почтово-телеграфной, мы найдем массу таких определений. Волею Распутина дочь купца Лавренева София получила прозвище «Вековушка», П. А. Столыпин — «Аркадьевич» или «Петруша», граф С. Ю. Витте — «Витя», председатель Государственной Думы М. В. Родзянко — «Толстопузый», дворцовый комендант В. А. Дедюлин — «Дуля», князь М. М. Андроников — «Клоп» или «Клопуша», П. А. Бадмаев — «Бадьма» или «Бадя», вдовствующая императрица Мария Федоровна — «Старуха» или «Гневная», председа-

* *Антоний* (А. В. Вадковский, 1846–1912) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1898–1912). Окончил Казанскую духовную академию. С 1906 г. — первенствующий член Св. Синода, член Государственного Совета. Доктор церковной истории. Духовный писатель и проповедник.

** *Алексей Николаевич Хвостов* (толстый Хвостов) (1872–1918) — богатый помещик, камергер, лидер правых в IV Гос. Думе. С 1915 г. — управляющий Министерством внутренних дел и шеф жандармов.

*** *Александр Дмитриевич Протопопов* (1866–1917) — член III и IV Гос. Думы; с 18 сентября 1916 г. — управляющий Министерством внутренних дел и шеф жандармов.

**** *Михаил Сергеевич Комиссаров* (р. 1870) — начальник Петербургского охранного отделения, генерал-майор отдельного корпуса жандармов.

***** ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 612.

тель Совета Министров В. Н. Коковцов — «Коко», епископ Тобольский и Сибирский Варнава (В. А. Накропин) — «Суслик» или «Мотылек», министр внутренних дел А. Д. Протопопов — «Калинин», министр иностранных дел Б. В. Штюрмер — «Старик», великий князь Николай Николаевич — «Боров».

Арсенал прозвищ — велик. Многие из них до сих пор не выяснены. Особенно женские прозвища («Сонечка», «Бельчонок», «Кука» и т. п.). В этой области Распутин превзошел себя, как и в характеристиках, даваемых им относительно деловых или моральных качеств отдельным лицам: «Чёрт в монашеском одеянии» (епископ Гермоген), «Мошенник из мошенников» (П. А. Бадмаев), «Он тебя целует, а ты от укуса отворачиваешься» (М. М. Андроников), «Ванька-подлец» (И. Ф. Манасевич-Мануйлов), «Душевный кровопивец» (И. А. Думбадзе*).

Говоря о языковой палитре нашего героя, довольно своеобразно выразился журналист И. А. Гофштеттер**, считая его размышления стоящими особняком в шеренге бесчисленных произведений соотечественников и даже французских писателей. По его мнению, размышления «старца» Григория по своей оригинальности и приему мышления способны видоизменить трафаретность суждений о нем, а самое главное, что «он видит основу для вселенского объединения человечества».

Не случайно, Распутин избегал встреч с журналистами, придумывая различные варианты обманных ходов, а когда его все же достигали репортеры, не скрывал своего раздражения. Так, на вопрос корреспондента газеты «Вечернее время» в июле 1912 года о целях своего приезда в Петербург ответил: «Не того караулите, кого надо. Стрелы язвенные, слова злобные, человеческую несправедливость не караулите. Ваше это дело? А что делается? Люди злобствуют, друг друга свергают». А спустя два года репортеру той же газеты негодуяще выпалил: «Молчите. Довольно писать... Ответите перед Богом. Пусть все пишут... Ничего не боюсь... Пишите, сколько в душу влезет, а мне наплевать»***. Может быть, поэтому так конспиративно скрывались «Дневники» и мысль об их обнародовании при жизни была для него запретной. В июле 1914 года одному из собеседников он заметил:

* Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) — генерал-майор свиты Е. И. В., градоначальник г. Ялты.

** Исаак Абрамович Гофштетгер — выпускник Московского университета, журналист «Дыма Отечества», редактор сочинений Распутина.

*** Вечернее время. СПб., 1914. 28 мая.

«Издать эти записки? Как можно! Пусть дети мои, если найдут нужным, сделают это»*.

Нынче, на рубеже перепутья, все чаще тянет нас обернуться к богатейшему наследию уходящего века, к мысли, которая не уставала познавать народную Россию. Ибо далеко не безгласен был сам народ, вовсе не безымянной была его собственная, выношенная и выстраданная мысль. Брошенный не только на экономическое выживание, но и духовное, он стремился сам удовлетворить всем своим потребностям и нравственную пищу творил самостоятельно, ища способов «жить по-божецки», по совести. Самой доступной ему книгой было Священное Писание, ставшее и самой народной книгой. В ней пытливые мужицкие умы находили простые и ясные ответы на все нравственные запросы. И более того, толкуя по-своему библейские заветы и истории, переплетая их и прилаживая к собственному духовному и житейскому бытию, выстраивали целые философские системы. Своими мужицкими боками они каждодневно ощущали нескладность общественного устройства, где с любого конца для труженика выходит клин. Желая найти корень обмана, мыслители из народа пускались в глубокие раздумья, в которых изначальный библейский завет давал ход самостоятельному мощному рассуждению, приводящему к ни у кого не заемным философским выводам. Порой настолько серьезным и значительным, что они получали хождение не в одном лишь породившем их крестьянстве. Размышления о природе нравственности, основанные на житейской и трудовой практике, и сегодня привлекают к себе высокообразованных современников. Среди этих деревенских философов, обладавших силой и разносторонностью ума, близко подошедшего к истинам вечного, конечно же был почти неграмотный крестьянин слободы Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии Григорий Ефимович Распутин. Разбирая по буквам Ветхий и Новый Заветы, единственное чтение его жизни, он находил в этих строчках кладезь сокровенного духовного смысла. Без Евангелия он жить не мог и считал себя голодным, если не побеседует с ближними об отдельных его страницах, не выскажет своего восприятия, не изольет свою душевную горечь, как бы подталкивая на откровение своих собеседников, принимаясь присказывать свое понимание Святой Книги: «Горе на земле, — радость на небе». «За что радость на небе? За скорби и за молитвы. За какие? За те: в скорбях ходили в храм и причащались Святых Тайн. В скуке молись, увидишь, радость восторжествует в тебе. Очень трудно — молись, потеря — молись. Бог обратит Своими судьбами потерю. Молись за разные

* Вечернее время. СПб., 1912. 29 июня.

нападки, молись. И злоба разбирает — помолись, забудешь врагов — молись! Очень не хочется молиться — молись. Это более услышит Бог. Заставишь себя, это послушанье небес, всему послушанье — высота доброты...»*.

Человек бывалый в свои сорок семь лет, повидавший, кроме деревенской, жизнь городскую, особо хлебнувший столичной, он строил свои беседы так, словно возводил храм, выкладывая мысль венец за венцом и украшал ее озарениями истин. При этом он не навязывал свои взгляды, не напирал в беседе. Давал высказаться собеседнику, чтобы тот мог выразить свою точку зрения: «Любовь есть идеал чистоты ангельской, и все мы братья и сестры во Христе, не нужно избирать, потому что равные все мужчины и женщины и любовь должна быть равная, бесстрастная ко всем, без прелести, и тот человек совершенно может любить, который находится вообще спасающийся без всякой прелести и равный во спасении и без лишних порывов не предавался никаким видениям бесовском, ни к сребролюбию, то эти люди могут любить не избираемые: ни молодости девы и ни старости семидесяти лет. У них одинаковая картина мягкого прелестного сердца: должны любить одинаково не более и не менее, ту и другую, тогда истинно любители во Христе»**.

В 1914 году граф С. Ю. Витте писал: «Поистине, нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип? Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро». Даже историку-специалисту бывает трудно выделить истину из того нагромождения лжи и клеветы, подлогов и озлобленных насмешек, которые приписывались и принимались за правду по адресу нашего земляка. Поэтому, как заметил митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев): «...нужно говорить о Распутине. Какова его действительная роль? Надо все изучить»***. Этой цели, собственно, и посвящены наши заметки.

* ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 31.

** Там же.

*** См.: Иоанн (И. М. Снычев), митр. Одоление смуты. СПб., 1995. С. 176.